УДК 94 (510)

ББК 63.3(5)

DOI 10.31554/2222-9175-2020-39-39-48

Б. Д. Цыбенков

К ИЗУЧЕНИЮ МАНЬЧЖУРСКОГО И КИТАЙСКОГО ВЛИЯНИЯ НА КУЛЬТУРУ ДАУРОВ

Статья посвящена изучению маньчжурского и китайского влияния на язык и культуру даурского этноса. Автор отмечает многочисленные маньчжурские заимствования в даурском языке, появившиеся в результате многовекового культурного взаимодействия двух этносов. Выявлены также некоторые маньчжурские элементы в традиционной обрядности дауров. Выяснено, что китайские заимствования в даурском языке подразделяются на два вида: ранние и поздние. Ранние китайские заимствования, как показывают данные, вошли в даурский язык через посредство языка маньчжуров. Отмечены в работе и некоторые китайские элементы, воспринятые даурской культурой.

Ключевые слова: дауры, маньчжуры, китайцы, языковые заимствования, традиционная культура, обрядность.

B. D. Tsybenov

TO THE STUDY OF MANCHURIAN AND CHINESE INFLUENCE ON DAURIAN CULTURE

The article is devoted to the study of Manchu and Chinese influence on the language and culture of the Daur people. The author identifies numerous Manchu borrowings in the Daurian language. Borrowings appeared as a result of the centuries-old cultural interaction of two ethnic groups. The traditional rituals of the Daur also incorporated some of the Manchu cultural elements. Chinese borrowings in the Daurian language are divided into two types: early and late. Manchu language was a mediator in the Daurian-Chinese language interaction. Daurian culture continues to experience total Chinese influence.

Keywords: Daur people, Manchu, Chinese, language borrowing, traditional culture, ritualism.

Маньчжуры и китайцы оказывали большое влияние на развитие культуры даурского этноса. С падением Цинской династии в 1911 г. влияние маньчжуров стало ослабевать, хотя интерес дауров к маньчжурской культуре, очевидно, сохранялся в годы марионеточного государства Маньчжоу-Го. Зато в XX в. неуклонно и повсеместно нарастало китайское влияние на дауров, которое продолжается и в наши дни. Проблема маньчжурского и китайского влияния на дауров является актуальной, ее решение поможет выявить, с одной стороны, конкретные элементы, детали и термины, заимствованные даурами у своих соседей; с другой – определить сферы традиционной материальной и духовной культуры дауров, подвергнувшиеся воздействию; время приобщения и степень влияния маньчжуров и китайцев на традиционную культуру дауров.

ЦЫБЕНОВ Базар Догсонович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН» (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: bazar75@mail.ru.

Прежде всего необходимо обратиться к собственно традиционной культуре дауров. Несмотря на некоторые сходные моменты, она существенно отличается от культуры монгольских народов. Главной особенностью, определяющей последующие культурные различия, является оседлый образ жизни дауров и земледелие. Таким образом, культура оседлых земледельцев-дауров довольно резко контрастировала с традиционной культурой кочевников-монголов, хотя в настоящее время земледельческая культура дауров, очевидно, сближается с культурой части южно-монгольского населения, в основном перешедшего в конце XIX – начале XX в. к земледелию. Несмотря на ряд сходных моментов, надо полагать, что различия между даурами и хорчинами (а также харчинами, горлосами и другими монгольскими этническими группами) довольно существенны. Дело заключается в более раннем приобщении дауров к земледелию. К приходу русских в 40-х гг. XVII в. в Приамурье дауры выращивали пять видов зерновых, овощи; проживали в оседлых селениях. Земледелие дауров, вероятно, восходит к земледельческой культуре средневековых монголоязычных народов. Не все монголоязычные народы древности и средневековья были охотниками-собираателями и скотоводами. Племена, волею судьбы оказавшиеся на окраинах монголоязычного мира, не могли не приобщиться к хозяйственной деятельности соседних иноязычных племен. Примером этому являются современные монголоязычные земледельческие этносы – дауры, дунсян, баоань. В целом культурные элементы, связанные с оседлостью и земледелием у дауров, довольно древние и в полной мере могут быть определены как исконные составные части традиционной культуры даурского этноса. Скотоводческая и охотничья культура, шаманизм дауров также имеют древнемонгольскую (возможно, киданьскую или шивейскую) основу. Таким образом, дауры являются носителями культурной традиции древних монголоязычных народов. Со временем многие аспекты культуры дауров подверглись в большей или меньшей степени воздействию со стороны их многочисленных и могущественных соседей.

Потомки чжурчженей маньчжуров оказали сильное влияние на культуру дауров. Как известно, их влияние было тотальным, начиная с прибытия дауров в северо-западную Маньчжурию из Приамурья в 50–60-е гг. XVII в. и до падения Цинской династии. С другой стороны, нельзя исключать и культурное взаимодействие дауров с дючерами – одним из маньчжурских племен – еще в амурский период их истории. Контакты, несомненно, были, хотя интенсивность их, возможно, была не столь высокой. И все же какая-то часть маньчжурских заимствований в языке, обрядности дауров могла быть воспринята ими задолго до вхождения в состав нового маньчжурского государства. В Приамурье происходило формирование современных даурских родов и патронимических групп. Некоторые из них (говол, дэдул, хэсур, жинкэр и др.) созвучны с маньчжурскими этнонимами. В то же время они имеют привязку к конкретным топонимам. Например, *жинкэр* – р. Жинкэр (р. Зея Амурской области), *говол* – р. Говол-аян (предположительно, один из притоков р. Зея) [Цыбенков 2011: 244]. На наш взгляд, дауры, следуя древнему обычаю ряда монголоязычных и тунгусо-маньчжурских племен, после прибытия в долины Амура и Зеи восприняли местные топонимы (гидронимы) в качестве обозначения своих родовых групп. Подтверждением этому обычаю является происхождение названий маньчжурских племен *ехэ* и *нара* [Дайчин улсын... 2013: 12; Батоева 2017б: 62]. До появления дауров в Приамурье часть чжурчженей – предков маньчжуров также могла проживать по рекам Зея, Говол-аян, откуда, соответственно, берут начало и их этнонимы жинчили, ховоло. Мы предполагаем, что одинаковые названия родов у дауров и маньчжуров не указывают на их бывшее этническое родство, а лишь свидетельствуют о проживании по вышеуказанным рекам в разные исторические периоды. Впоследствии, в

период приобщения дауров к маньчжурскому государству, подобные перекликающиеся родовые названия могли быть трактованы как свидетельства изначального родства двух этносов, хотя начальный этап маньчжуро-даурских отношений в первой половине XVII в. отмечен вооруженным противостоянием, угоном населения и скота и осадой даурских крепостей. Апогеем тех событий стала антиманьжурская борьба объединения солонбу (куда входили солоны, дауры, ороконы) во главе с Бомбогором в 1639–1641 гг., завершившаяся его казнью в Мукдене [Цыбенков 2017а: 138–139]. Понимая важность привлечения этносов Приамурья, маньжурские правители использовали ту же стратегию и тактику, которую применяли в отношении южномонгольских племен. Она заключалась в проведении политики умиротворения, аудиенциях даурских предводителей с маньжурским правителем, специально устраиваемых пиршествах и вознаграждениях, в выдаче замуж маньжурских принцесс за даурских глав, вовлечении дауров в государственные дела и знаменную систему.

Первым даурским предводителем, вступившим на путь мирных контактов с маньчжурами, был Балдачи, глава рода жинкэр. Он стал императорским зятем (эфу), видным государственным чиновником, последние годы жизни провел в Пекине. История его возвышения является наглядным примером начала трансформации даурского общества. И эти изменения, необходимо заметить, зародились и набирали силу в дорусский период, т. е. еще до встречи дауров с казачьими отрядами В. Пояркова, Е. П. Хабарова и др. После включения дауров в маньжурскую восьмизнаменную систему появились сословия чиновников и военных, всецело находившихся под влиянием маньчжуров. Со временем в обиход вошли маньжурские общественно-политические и военные термины. Эта же система чинов и титулов была внедрена и у монголов [Батоева 2016: 40]. В отличие от них, у дауров она была более разветвленной и кроме общеупотребительных титулов охватывала многие основные понятия и явления. Об этом свидетельствуют, например, такие слова, как *баргеел* – 1) исполнять должность кого-либо; 2) командовать, приказывать, распоряжаться; *дасэн* – политика; *хэс* – приказ, распоряжение; *тоос* – власть, полномочия; *туаабун* – объявление, уведомление [Ding Shiqing 1998: 220; Тумурдэй, Цыбенков 2014: 22, 57, 158, 160, 198]. Стали широко употребляться маньжурские термины, характеризующие общественно-родовую структуру: *хала* – род; *мокон* – подрод, патронимическая группа; *аймэн* – нация, народ; *бойгун* – 1) семья; 2) имущество; *уксун* – предки. Помимо военных чинов и рангов появились термины, связанные с оружием: *жанку* – разновидность алебарды; *жанку онч* – нож, изготовленный в виде алебарды; *могулеен* – пуля, снаряд; *аур* – винтовка; *гяд* – копье, пика; *орт* – порох [Ding Shiqing 1998: 221–222; Тумурдэй, Цыбенков 2014]. Как мы видим, маньжурская общественно-политическая и военная терминология была успешно внедрена в даурский язык. Новые веяния, связанные с приобщением ко всему маньжурскому, охватили не только чиновничью и военную элиту дауров, но и рядовое население. Даурские крестьяне заимствовали земледельческие орудия из железа. Они стали использовать серп, лемех плуга, борону, мотыгу, кирку, лопату. Некоторые новые виды зерновых, выращиваемых даурами, имели маньжурские названия. Много маньжурских заимствований встречается в сфере материальной культуры: *бирунку* – скалка; *жаул* – дуршлаг; *гээшеен* – межкомнатная дверь; *багэс* – короткий опорный столб крыши и др. [Цыбенков, Энхбадрах 2017: 165]. Жилища дауров также относятся к типу маньжурской фанзы. Вместе с тем они имеют традиционные, присущие только даурским домам черты, например окно на западной стене; несущие балки крыши, носящие названия *адьрэг нироо* (балка-жеребец), *гэу-нироо* (балка-кобылица) и др. По данным отечественных исследователей конца XIX в., даурская одежда практически

не отличалась от маньчжурской [Позднеев 1897: 218]. Одежда маньчжуров к тому времени получила широкое распространение по всему Китаю [Николаева 2006: 14]. Основной особенностью традиционного даурского халата являются боковые разрезы – *сэлэв* (от маньж. *сэлфэнь*). Как отмечает бурятская исследовательница Д. Б. Батоева, помимо китайской одежды эти разрезы также просматриваются в верхней одежде отдельных групп восточных монголов [2017а: 345–346]. К головному украшению маньчжуров, по нашему предположению, восходит женский головной убор дауров под названием *лямбултоо*.

Духовная культура даурского этноса также пронизана маньчжурским влиянием и заимствованиями: *иргээбуучин* – поэт; *хэргэн* – грамота; *кумун* – музыка; *таишу* – школа; *сайсаа* – интеллигент, ученый и др. Большое количество маньчжурской лексики в языке дауров объясняется также их ранним приобщением к маньчжурской письменности. Начиная с 1695 г. открываются школы, где даурские дети могли получить маньчжурское образование. Поначалу в них обучались только дети чиновников, затем количество учащихся немного увеличилось. Со временем появилась прослойка даурской интеллигенции, представители которой писали сочинения на даурском языке маньчжурской письменностью. Даурское общество посредством маньчжурского языка знакомилось с популярными произведениями китайской классической литературы. Официальная документация и переписка также велись на маньчжурском языке. Распространению маньчжурского влияния способствовали и межнациональные браки. По сведениям отдельных информаторов, даурские чиновники, интеллигенты и даже простолюдины предпочитали жениться на маньчжурках. В свою очередь старые баргуты (одна из восточномонгольских групп) брали в жены даурских девушек, стремясь породниться с влиятельными кланами хайларских дауров [1]. Говоря о маньчжурском влиянии на дауров, необходимо помнить, что и они оказывали всемерное культурное и языковое воздействие на тунгусо-маньчжурские меньшинства в лице эвенков – солонов и орочонов. Так, по данным венгерской исследовательницы Б. Хабтагаевой, в солонский язык вошло более 400 общемонгольских (в т. ч. даурских) заимствований. В свою очередь, даурский язык вобрал в себя около 100 солонских терминов [Khabtagaeva 2012: 345]. Солонских заимствований в целом немного по сравнению с маньчжуризмами, которые, по данным китайских этнографов, составляют примерно 10 % всей даурской лексики [Ding Shiqing 1998: 220]. Эти сведения согласуются с материалами бурятского филолога Г. Н. Чимитдоржиевой, также отмечающей большое влияние маньчжуров на даурский язык [2015: 555]. Дальнейшие судьбы этих языков сложились по-разному. Языку некогда могущественных маньчжуров было суждено исчезнуть. Есть мнение, что ныне язык маньчжуров живет в архивных документах и используют его лишь отдельные специалисты [Овсянникова 2011: 219]. Дауры же сумели сохранить свой язык и к нему зачастую прибегают исследователи для определения или уточнения тех или иных маньчжурских терминов.

Традиционная обрядность дауров также сохранила отдельные следы маньжурского влияния. По нашему предположению, маньчжурский обряд сватовства [Чжан 2010: 81] в некоторых деталях близок даурскому. Один из этапов маньчжурской свадебной церемонии, именуемый «набить трубку табаком» [Там же: 83], характерен и для дауров. Только у них этот обычай исполнялся невестками в повседневной жизни. Они набивали и зажигали курительные трубки свекра, свекрови, старших родственников, а также гостей [Цыбенков 2012: 191]. В погребально-поминальной обрядности дауров имеются следующие, на наш взгляд, маньчжурские элементы: многослойная погребальная одежда, обычай вывешивания куска ткани на воротах умершего, принесение в жертву петуха [Забияко, Чжан 2013: 68; Цыбенков 2017б:

144]. Божество нижнего мира, распоряжающееся судьбами умерших людей у маньчжуров, именуется Илмун-ханом [Сем 2013: 179]. Дауры же называют его Ирму-хан. Очевидно, известно даурам и божество плодородия из пантеона тунгусо-маньчжурских народов. Оно носит имя Ерке Мерген или Доогин амбан [Там же: 145]. В этом разделе о маньчжурском влиянии на дауров мы привели лишь некоторые примеры, указывающие на параллели в маньчжуро-даурской традиционной обрядности. Хотя их, на самом деле, может быть гораздо больше. При их рассмотрении необходимо учитывать и влияние китайской цивилизации, оказавшей сильное воздействие на все сферы жизнедеятельности маньчжуров и в конечном итоге поглотившей их. Вычленение исконно маньчжурских и китайских черт в традиционной культуре дауров, таким образом, становится новой задачей наших научных изысканий.

Китайская цивилизация, как отмечают дальневосточные исследователи, на протяжении довольно длительного времени (с VII по XII в.) оказывала воздействие на этносы Приамурья и Приморья [Смертин 2014: 33]. Соответственно, предки дауров в некоторой степени тоже подвергались китайскому влиянию. Выяснить степень китайского воздействия и заимствования столь раннего времени не представляется возможным. Можно лишь предположить, что отдельные общепотребительные китайские термины, такие как 大 dà – главный, первый; 窗户 chuānghu – окно; 灯 dēng – светильник и некоторые другие, могли быть известны предкам дауров. Более точные сведения о китайских заимствованиях в даурском языке можно получить начиная с периода правления Цинской династии. Они, как пишет китайский этнограф Дин Ши-чин, подразделяются на две группы: ранние и поздние. В целом китайские заимствования составляют около 10 % всех даурских слов. В деле изучения ранних китаизмов большую помощь может оказать синьцзянский диалект даурского языка, который в значительной степени сохранил исходные характеристики даурского языка цинского периода. Кроме того, в языке дауров Синьцзяна встречаются слова, вышедшие из употребления в других даурских диалектах. Можно также сделать вывод, что большая часть ранних китайских заимствований вошла в даурский язык через посредство маньчжурского языка. Часть заимствований имеет одинаковое произношение во всех даурских диалектах, но некоторые имеют различия, что, вероятно, указывает на более поздний период их появления в диалекте. Заимствования, имеющие схожее значение и произношение во всех даурских диалектах, могут быть определены как ранние китаизмы. Как мы отметили выше, важная роль здесь отводится синьцзянскому диалекту даурского языка. Как известно, переселение дауров в Синьцзян состоялось в середине XVIII в. [II]. Соответственно, период появления ранних китайских заимствований ограничен, с одной стороны, началом XVII в., когда устанавливаются первые маньчжуро-даурские контакты, с другой – серединой XVIII в. [Ding Shiqing 1998: 230–231]. Таким образом, маньчжурский язык сыграл роль посредника, транслируя впитанные им китайские термины на даурскую языковую основу. Со временем в самом маньчжурском языке китайские заимствования эволюционировали, зачастую меняли значение и произношение, в то время как в даурском языке они могли сохранять изначальные позиции.

Ниже приведена таблица, где указаны некоторые ранние китайские заимствования в даурском языке. Она также дает представление о фонетической и семантической эволюции этих заимствований в маньчжурском языке. Таблица составлена на основе данных из монографии китайского этнографа Дин Ши-чина [Ibid.: 232–235] с вкраплениями собственных авторских материалов.

Таблица 1

Ранние китайские заимствования в даурском языке

Китайский язык	Даурский язык	Значение слова в даурском языке	Маньчжурский язык	Значение слова в маньчжурском языке
砂糖 shātáng (сахарный песок)	satən	сахар, сладость, конфеты	ṣatan	сахар (песок)
馒头 mántou (пампушка)	mantuu	пампушка	məntu	пампушка
茶 chá (чай)	tʃee	чай	tʃai	чай
桃 táo (персик)	tor	персик	toro	персик
坛子 tánzi (сосуд, кувшин)	tans	горшок, банка	tan	1) отмель, 2) горшок
筐箩 pǎluo (плетеная корзина)	pooloos	плетеная корзина	polori	сито; корзина больших размеров
钥匙 yàoshi (ключ от замка)	joosək	висячий замок	joosə	висячий замок
灯笼 dēnglong (фонарь)	dənluu	фонарь	dənlū	фонарь
砣子 tuózi (шлифовальный круг)	toos	1) гиря для весов; 2) власть, полномочия	toosə	1) власть; 2) xiantuoluo (?); 3) гиря весов
纱 shā (нить)	ʃaa	нить	ʃa	1) густой лес в горах; 2) нить
皮箱 píxiāng (кожаный чемодан)	pidʒan	1) чемодан; 2) сундук	pitʃan	1) чемодан; 2) кожевник
帆 fān (парус)	pən	1) навес; 2) парус	pun	1) навес; 2) парус
堂屋 táng wū (зал)	tangul	1) зал; 2) главная комната	tagguli	1) комната для приемов; 2) контора
宝贝 bǎobèi (драгоценность)	baubəi	драгоценность	boobai	1) драгоценность; 2) яшмовая печать
分数 fēnshù (отметка, балл)	fəl	отметка, балл	fūn	1) отметка, балл; 2) порошок, пыль
元宝 yuánbǎo (серебряный слиток)	janboo	серебряный слиток	yawanbao	серебряный слиток

Сост. по: [Ding Shiqing 1998: 232–235].

Не все ранние китайские заимствования нашли отражение в вышеуказанной таблице. Можно лишь отметить, что большинство из них связано с областью материальной культуры. Пронеся сквозь века свои изначальные формы, они продолжают активно использоваться и в наши дни. Некоторые образуют глагольные формы: *гин* (кит. *цзинь* – мера веса) – *гиннэбэй* (взвешивать); *маймаан* (торговля) – *маймаачин* (торговец); *янс* (вид) – *янсэлбэй* (приводить в надлежащий вид); *лонт* (недоуздок) – *лонтлаабэй* (надевать недоуздок) [Ibid.: 236]. В последнем случае даурское слово «лонт» (недоуздок), по нашему предположению, лишь созвучно с китайским 络头 *luòtóu* (узда, недоуздок). По всей вероятности, даурское слово

«лонт», равно как и маньчжурское «лонт», восходит к общемонгольскому термину «ногт(-о)» – недоуздок. Дело в том, что в даурском языке начальная «н» в ряде случаев меняется на «л». Например, *ларч* (лист) – сравн. с общемонг. *навч*; *ларч лаваа* – сравн. с бур. *набишаа намаа*; *ларбэйгу* – бур. *нарбайха*; *лэвээлжгу* (колыхаться) – бур. *нэмэлзэхэ*. Если далее развивать нашу гипотезу, связанную со словом «лонт», маньчжуры становятся стороной, воспринявшей этот термин конской сбруи у дауров. Вполне возможно, что в языке маньчжуров существуют и другие термины, указывающие не на монгольское, а именно на даурское влияние. Если таковые имеют место быть, то получается, что маньчжуры могли заимствовать термины у дауров или их предков еще до непосредственных контактов с монголами. Оставляя наше не подкрепленное другими весомыми фактами предположение, перейдем к краткому рассмотрению поздних китайских заимствований в даурском языке. Они появляются в конце правления Цинской династии и в начальный период Китайской Республики. Поздние заимствования перешли в даурский язык уже в результате прямых контактов с китайским населением, хотя до 20–30-х гг. XX в. большинство дауров не знали китайского языка или плохо им владели. Об этом можно судить из полевых записей Б. И. Панкратова, работавшего среди дауров в 1929–1930 гг. В начале его блокнота № 14 отмечен информатор Алтангат, который только в 13 лет начал обучаться китайскому языку. Там же указано, что его родители не знают китайского языка [АВИВ. Ф. 145. Оп. 1. № 14]. Как известно, к тому времени была провозглашена политика переселения этнических китайцев (ханьцев) за пределы «внутреннего» Китая и массы переселенцев наводнили районы компактного проживания даурского населения.

Поздние китайские заимствования в основном связаны с техническими новшествами, новыми общеупотребительными китайскими терминами в области материальной и духовной культуры, современной общественно-политической терминологией. Например, *ганбул* – кадры; *даачаан* – пальто; *дайбюу* – делегат; *дан* – партия; *жаушан* – фотография; *жинчаа* – правоохранительные органы и др. Поскольку даурские этнотерриториальные группы разбросаны от Синьцзяна до Сунгари, надо полагать, что эти новейшие термины отличаются у разных групп, имеют свои локальные особенности, обусловленные временем восприятия, влиянием более многочисленных соседних этносов (монголов, казахов).

Традиционная обрядность дауров также испытала влияние китайской культурной традиции, выразившееся, в частности, в появлении ряда новых деталей в свадебном и похоронном обрядах. Например, к китайской традиции можно отнести расположение родителей жениха перед алтарем до момента вхождения невесты в дом. По всей видимости, эта традиция появилась относительно недавно, на что указывает ее локализация в отдельных даурских местностях. В погребально-поминальной обрядности дауров можно отметить поминальный стол (рис, вареная курица, сушеные фрукты), схожий с китайским; сожжение ритуальных бумажных денег [Цыбенков 2017б: 144–145], характерное для похоронного обряда как китайцев, так и маньчжуров. Китайский культ нян-нян (богини плодородия и сыновей) был воспринят даурами и как нян-нян-баркан вошел в разряд божеств даурского шаманизма. По данным британского дауроведа К. Хэмфри, этот даурский культ вообрал в себя культы бодхисаттвы Гуань-Инь, богини запада Сиванму и богини земли Хоуту [Humphrey, Onon 1996: 289]. С насильственно умерщвленной китайкой связан родовой обряд, проводимый семьей патронимическими группами рода мэрдэн. Этот обряд, известный как почитание Мэрдэн Этуо, очевидно, восходит к раннему или среднему периоду Цинской династии [Stuart et al. 1994: 28; Цыбенков 2012: 149–150].

Из всех монголоязычных этносов дауры в наибольшей степени подверглись маньчжурскому и китайскому влиянию. Началом массового приобщения ко всему маньчжурскому можно считать период жизни дауров на новом месте – в северо-западной Маньчжурии и включение их в знаменную систему. В этот период через маньчжурский язык стали проникать отдельные китайские заимствования. Маньчжурские и китайские элементы постепенно закреплялись в даурской культуре. Малочисленный монголоязычный этнос – потомки средневековых земледельцев не могли не воспринять передовой земледельческий опыт и культурно-цивилизационные ценности маньчжуров и китайцев. В итоге традиционная культура дауров претерпела сильные изменения, обогатилась новыми элементами и терминами. В то же время культура дауров, возможно, утратила в определенной степени ряд самобытных черт. Многие детали исконной даурской культуры могли сильно трансформироваться под влиянием новых динамичных культур или просто исчезнуть. Словом, культура дауров за этот новейший период истории (середина XVII–XX вв.) еще более отделилась от общемонгольской культуры. И этот факт ставит перед исследователями, занимающимися происхождением и этнической историей дауров, в первую очередь задачи выделения маньчжурских и китайских напластований в традиционной культуре дауров. Только так можно в дальнейшем обозначить общие моменты в происхождении и обрядности дауров и других древних (монголоязычных) и современных (монгольских) этносов.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.191.1.2 «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии» № AAAA-A17-117021310264-4).

Примечание

I. Полевые материалы автора, добытые в ходе экспедиционных работ в городском округе Хулун-Буир Автономного района Внутренняя Монголия КНР в ноябре 2019 г.

II. По данным востоковеда Б. И. Панкратова, в годы правления императора Цяньлуна дауры были посланы в числе других знаменитых в Восточный Туркестан (Синь-цзян) на войну с джунгарами (1755–1757). После окончания войны этих дауров оставили в Или, где образовали из них военные поселения. На 18-м году правления императора Цзяцина (1813) в Или и Тарбагатай для военных поселений было отправлено из Бутхи еще 1000 семей солов, ороحوнов и дауров [АВИВ. Ф. 145. Оп. 1. № 16].

Источники и литература

Архив востоковедов СПбФ ИВ РАН (АВИВ): ф. 145, оп. 1, № 14, 16.

Батоева Д. Б. Влияние маньчжурской культуры на монголов в период империи Цин / Д. Б. Батоева // Проблемы современной науки и образования. – 2016. – № 38(80). – С. 40–43.

Батоева Д. Б. Одежда и прическа у маньчжуров и монголов: взаимовлияния и общее наследие / Д. Б. Батоева // Евразия в кайнозой. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2017а. – № 6. – С. 344–349.

Батоева Д. Б. Территория Маньчжурии как регион интенсивного этнокультурного контактирования монголов и тунгусо-маньчжуров / Д. Б. Батоева // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2017б. – № 4(28). – С. 60–65.

Дайчин улсын монголын магад хууль (Правдивые записи о монголах Цинской империи. Т. 1). – Хух-Хото: Изд-во просвещения Внутренней Монголии, 2013. – 1236 с. (на старомонг. письм.)

Забияко А. П. Похоронная обрядность маньчжуров: генезис, история и современное состояние / А. П. Забияко, Л. Чжан // Религиоведение. – 2013. – № 1. – С. 60–84.

Николаева В. Б. Маньчжурский костюм эпохи династии Цин: автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. Б. Николаева. – Улан-Удэ, 2006. – 21 с.

Овсянникова М. И. «Падающие листья возвращаются к корням»: о культурном наследии маньчжуров в Китае / М. И. Овсянникова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2011. – № 1(26). – С. 214–220.

Позднеев Д. Описание Маньчжурии (с картой). Т. I / Д. Позднеев. – СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлих, 1897. – 620 с.

Сем Т. Ю. Верховный пантеон тунгусо-маньчжурских народов Сибири и Дальнего Востока: XIX–XX вв. (типология и семантика образов) / Т. Ю. Сем. – Южно-Сахалинск, 2013. – 240 с.

Смертин Ю. Г. Китайский миллениум в Приамурье и Приморье (VII–XVII вв.) / Ю. Г. Смертин // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: сб. науч. ст. / отв. ред. Д. В. Буяров, Д. В. Кузнецов. – Благовещенск, 2014. – С. 31–33.

Тумурдэй Г. Краткий даурско-русский словарь / Г. Тумурдэй, Б. Д. Цыбенков. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. – 236 с.

Цыбенков Б. Д. Даурские роды в XVII в. / Б. Д. Цыбенков // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – № 8. – С. 238–246.

Цыбенков Б. Д. История и культура дауров Китая. Историко-этнографические очерки / Б. Д. Цыбенков. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2012. – 252 с.

Цыбенков Б. Д. Из истории даурского народа в XVII в. / Б. Д. Цыбенков // Власть. – 2017а. – № 2. – С. 137–142.

Цыбенков Б. Д. Погребально-поминальная обрядность дауров Китая / Б. Д. Цыбенков // Этнографическое обозрение. – 2017б. – № 5. – С. 142–158.

Цыбенков Б. Д. Тунгусо-маньчжурский пласт в даурском языке / Б. Д. Цыбенков, С. Энхбадрах // Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество / гл. ред. Е. В. Дроботушенко. – Чита, 2017. – С. 163–166.

Чжан Линбэй. Свадебная обрядность маньчжуров: эволюция, религиозный смысл и символика / Линбэй Чжан // Религоведение. – 2010. – № 2. – С. 80–90.

Чимитдоржиева Г. Н. Взаимодействие монгольских и тунгусо-маньчжурских языков: исторические аспекты / Г. Н. Чимитдоржиева // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. – 2015. – Т. 11. – № 3. – С. 554–564.

Ding Shiqing. Yuyan yu shihui wenhua. Dawoer / Shiqing Ding. – Beijing: Zhongyan minzu daxue chubanshe, 1998. – 327 с. (на кит. яз.)

Humphrey C. Shamans and Elders. Experience, knowledge, and power among the Daur Mongols / C. Humphrey, U. Onon. – Oxford: Clarendon press, 1996.

Khabtagaeva B. The Dagur elements in Solon Evenki / B. Khabtagaeva // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. – 2012. – Vol. 65(3). – P. 335–346. DOI: 10.1556/AOrient.65.2012.3.7.

Stuart K. China's Dagur Minority: Society, Shamanism, and Folklore / K. Stuart, Li Xuewei and Shelear // Sino-Platonic Papers. Number 60. December, 1994. – Philadelphia: Department of East Asian Languages and Civilizations University of Pennsylvania, 1994.

References

Arhiv vostokovedov SPbF IV RAN (AVIV). f. 145, op. 1, № 14, 16.

Batoeva D. B. Vliyanie man'chzhurskoj kul'tury na mongolov v period imperii Cin / D. B. Batoeva // Problemy sovremennoj nauki i obrazovaniya. – 2016. – № 38(80). – С. 40–43.

Batoeva D. B. Odezhdа i pricheska u man'chzhurov i mongolov: vzaimovlianiya i obshchee nasledie / D. B. Batoeva // Evraziya v kajnozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury. – 2017а. – № 6. – С. 344–349.

Batoeva D. B. Territoriya Man'chzhurii kak region intensivnogo etnokul'turnogo kontak-tirovaniya mongolov i tunguso-man'chzhurov / D. B. Batoeva // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2017b. – № 4(28). – С. 60–65.

Dajchin ulsyn mongolyn magad huul' (Pravdivye zapisi o mongolah Cinskoj imperii. T. 1). – Huh-Hoto: Izd-vo prosveshcheniya Vnutrennej Mongolii, 2013. – 1236 s. (na staromong. pis'm.)

Zabiyako A. P. Pohoronnaya obryadnost' man'chzhurov: genezis, istoriya i sovremennoe sostoyanie / A. P. Zabiyako, L. Chzhan // Religiovedenie. – 2013. – № 1. – S. 60–84.

Nikolaeva V. B. Man'chzhurskij kostyum epohi dinastii Cin: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk / V. B. Nikolaeva. – Ulan-Ude, 2006. – 21 s.

Ovsyannikova M. I. «Padayushchie list'ya vozvrashchayutsya k kornyam»: o kul'turnom nasledii man'chzhurov v Kitae / M. I. Ovsyannikova // Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura. – 2011. – № 1(26). – S. 214–220.

Pozdneev D. Opisanie Man'chzhurii (s kartoj). T. I / D. Pozdneev. – SPb.: Tip. Yu. N. Erlih, 1897. – 620 s.

Sem T. Yu. Verhovnyj panteon tunguso-man'chzhurskikh narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka: XIX–XX vv. (tipologiya i semantika obrazov) / T. Yu. Sem. – Yuzhno-Sahalinsk, 2013. – 240 s.

Smertin Yu. G. Kitajskij millenium v Priamur'e i Primor'e (VII–XVII vv.) / Yu. G. Smertin // Rossiya i Kitaj: istoriya i perspektivy sotrudnichestva: sb. nauch. st. / otv. red. D. V. Buyarov, D. V. Kuznecov. – Blagoveshchensk, 2014. – S. 31–33.

Tumurdej G. Kratkij daursko-russkij slovar' / G. Tumurdej, B. D. Cybenov. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2014. – 236 s.

Cybenov B. D. Daurskie rody v XVII v. / B. D. Cybenov // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2011. – № 8. – S. 238–246.

Cybenov B. D. Istoriya i kul'tura daurov Kitaya. Istoriko-etnograficheskie ocherki / B. D. Cybenov. – Ulan-Ude: Izd-vo VSGUTU, 2012. – 252 s.

Cybenov B. D. Iz istorii daurskogo naroda v XVII v. / B. D. Cybenov // Vlast'. – 2017a. – № 2. – S. 137–142.

Cybenov B. D. Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' daurov Kitaya / B. D. Cybenov // Etnograficheskoe obozrenie. – 2017b. – № 5. – S. 142–158.

Cybenov B. D. Tunguso-man'chzhurskij plast v daurskom yazyke / B. D. Cybenov, S. Enhbadrah // Prigranichnyj region v istoricheskom razvitii: partnerstvo i sotrudnichestvo / gl. red. E. V. Drobotushenko. – Chita, 2017. – S. 163–166.

Chzhan Linbej. Svadebnaya obryadnost' man'chzhurov: evolyuciya, religioznyj smysl i simbolika / Linbej Chzhan // Religiovedenie. – 2010. – № 2. – S. 80–90.

Chimitdorzhieva G. N. Vzaimodejstvie mongol'skikh i tunguso-man'chzhurskikh yazykov: istoricheskie aspekty / G. N. Chimitdorzhieva // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanij. – 2015. – T. 11. – № 3. – S. 554–564.

Ding Shiqing. Yuyan yu shihui wenhua. Dawoer / Shiqing Ding. – Beijing: Zhongyan minzu daxue chubanshe, 1998. – 327 s. (na kit. yaz.)

Humphrey C. Shamans and Elders. Experience, knowledge, and power among the Daur Mongols / C. Humphrey, U. Onon. – Oxford: Clarendon press, 1996.

Khabtagaeva B. The Dagur elements in Solon Evenki / B. Khabtagaeva // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. – 2012. – Vol. 65(3). – R. 335–346. DOI: 10.1556/AOrient.65.2012.3.7.

Stuart K. China's Dagur Minority: Society, Shamanism, and Folklore / K. Stuart, Li Xuewei and Shelear // Sino-Platonic Papers. Number 60. December, 1994. – Philadelphia: Department of East Asian Languages and Civilizations University of Pennsylvania, 1994.